

ЗА ИСТИНУ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЧЕЛОВЕКА

АХУНДОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

ПЬЕСА МИРЗЫ ФАТАЛИ АХУНДОВА, НЕСМОТЯ НА СВОЮ КРАТКОСТЬ, ДОЛЖНА СТАТЬ РЕШИТЕЛЬНО ВЫШЕ ВСЕХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЛЕГКОМ РОДЕ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ И ПЕЧАТАВШИХСЯ В НАШИХ ЖУРНАЛАХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА.

А. В. ДРУЖИНИН (1852 г.).

ПЕРЧИТЫВАЕШЬ Ахундова — страницы, написанные более ста лет назад, когда Азербайджан был одной из окраин России, когда помещичий и колониальный гнет, дикий религиозный фанатизм обрекали народ на нищету и невежество, — и сердце вновь и вновь наполняется чувством гордости. Со страниц его книг вырастает могучая фигура неумолимого поборника тех великих идей, торжества которых добились в нашей стране целые поколения революционеров, человека, идя во многом близкого нам, строителя коммунизма, пионера космоса.

Не путь поэта-эпиграма, перепевавшего в тысячный раз любовь к «дунолюлке» красавице, избрал М. Ф. Ахундов. Не приторенной и гладкой дорожкой пошел он, а той крутой и тернистой, которая была подсказана ему любовью к народу, гражданским долгом, преданностью передовым идеям века. «Я друг человечества. Я истинный друг тех, кто любит людей и способствует развитию культуры. Я избегаю тех, кто является врагом человечности, препятствует просвещению и цивилизации». Эти гордые слова могли бы послужить эпиграфом к жизненной и творческой биографии Ахундова.

«Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности», — говорил В. Г. Белинский. Высокий смысл и значение тех социальных, литературных и философских проблем, которые понимал М. Ф. Ахундов, заключались прежде всего в том, что они были тесно связаны с жизнью, с коренными интересами народа.

Стоявший на уровне передовой русской и западноевропейской культуры, Ахундов был потрясен глубиной отсталости народных масс, религиозным фанатизмом, господствующим в странах мусульманского Востока. Великое беспокойство перешло в неустанный заботу и поиск путей приобщения народа к передовой культуре, развития науки и просвещения среди народных масс. «Элегическая поэма» на смерть Пушкина, шесть комедий, заложившие основу азербайджанской национальной драматургии, сказ о сельнике Юсифе — народном правителе, литературно-критические статьи, огромная просветительская работа, борьба

за новый алфавит, написание гениальный философский трактат — «Письма Кемал-уд-Довлана» были этапами неустанных исканий великого гуманиста. Он никогда не отрывал литературной и просветительской деятельности от жизни страны, от судеб народа. Путь от концепции просвещенного абсолютизма к революционному демократизму — таков этот раздумий и борьбы этого беспокойного духа.

Кто как не он во всех чудовищных подробностях изучил историю мусульманского Востока и до конца понял источник зла в Азербайджане и во всем исламском мире — несоблюдений деспотизм феодальных тиранов, мрачный, невежественный фанатизм духовенства? Они отняли у людей самое дорогое в жизни — свободу, знание, достоинство...

БЕСПОЩАДНО критикуя религию ислама с позиций воинствующего атеизма, М. Ф. Ахундов утверждал, что «первая свобода наша (духовная) отнята у нас духовенством»; религия превратила людей в послушных рабов, разобщила и натравила их друг против друга, противодействует всякому прогрессу, всему новому, стала врагом науки. Человеческая свобода и счастье народов настоятельно требуют полного отказа от религии ислама. Другим злом человеческого общества является деспотический строй, отнявший у людей «физическую» свободу.

Ахундов всегда думает о практическом значении своих произведений — будь то комедия, статья, философский трактат или новый алфавит. Большие надежды возлагал он на «Письма Кемал-уд-Довлана». Это был для Востока своеобразный манифест научного материалистического мировоззрения и вместе — политическое воззвание. Необычайная глубина мысли и грозная точность каждого удара по властителям-тиранам и маньякам религии ислама сделали этот философский трактат значительным явлением в мировой общественно-политической литературе. Слова «философский трактат» влекут за собой привычные ассоциации олимпийского спокойствия и некой безмятежной созерцательности. Нет! Трижды нет! «Письма» вышли из-под пера человека, знающего назизу все язвы мусульманского мира, властвующего, подобно беспретному хирургу, пер-

сты в эти язвы, чтобы победить роковую страсть, голос человека, глубоко страдающего за родной народ, слышится нам в каждой строке этого философского трактата, местами похожого на лирическую поэму. Недаром писатель говорил, что в этом произведении раскрыто «множество тайн исламизма», не известных до того не только европейцам, но и самим мусульманам.

В «Письмах» обрели голос гнев и горе народных масс, трудового крестьянина, обездоленных гнетом помещиков, феодалов и духовенства.

Нам известна бесконечно трогательная, самоотверженная борьба Ахундова за опубликование и распространение «Писем», а потом — за замену арабского алфавита доступным народу новым алфавитом. «Если даже весь мир будет против меня, я не отступлюсь от своей идеи, удесятерю свою работу!» М. Ф. Ахундов был отъявленным борцом, каменной стеной ставшим против его благородных начинаний, реакционерам — туркам, иранским, азербайджанским, царским. И здесь обнаружилось новое черта характера М. Ф. Ахундова — черты политического борца-практика, идущего на любые лишения ради своих идей, ради своей цели. «Я — человек, который любит народ и готов жертвовать собою ради счастья народа», — заявлял М. Ф. Ахундов, вдохновляя своим примером, сплывавая вокруг себя группу единомышленников и соратников.

Гуманизм М. Ф. Ахундова далек от sentimentalности вызывающей к человеку чувство униженной жалости и, по существу, призывающей трудящихся к покорности. Вспомним хотя бы Бичер-Стоу. Она написала хорошую книгу, полезную книгу. Но кто станет спорить, что ее книга действовала во многом не благодаря, а вопреки замыслам смиренного автора? Активность, действительность гуманизма М. Ф. Ахундова в кровной связи идей мыслителя с задачами преобразования общества. Хотя вопросы классовой борьбы не были Ахундову ясны до конца, но сословные и классовые противоречия, антагонизм между людьми, стоящими у власти и подвластными им, между эксплуататорами и эксплуатируемыми, тупицами и тружениками, нашли яркое освещение в художественных и научных произведениях писателя.

М. Ф. Ахундов раздувал пламень народного негодования, нетерпеливо измержал роз политического со-

знания масс, призывал к свержению тиранов. И в этом отношении гуманизм М. Ф. Ахундова, в отличие от пассивного, во многом отрицательного гуманизма утопистов-социалистов Запада, приближался к гуманизму русских революционных демократов.

И в вопросе равенства М. Ф. Ахундов пошел дальше утопистов-социалистов, связав эту идею с необходимостью коренной социально-политической и экономической перестройки общества, а не мечтой о нравственном перерождении, «самоусовершенствовании» людей в лоне старого общества.

РАСКРЕПОЩЕНИЕ женщины, живущей в мусульманском мире на положении рабыни, явилось неотъемлемой частью идеи Ахундова о равноправии всех членов общества. Женщины, униженной и оскорбленной многоженством, затворничьем, браком, напоминающим кулю-продажу на невольничьем рынке, писатель уделил в своих произведениях много внимания. Он гневно протестовал против вопиющих несправедливостей, узаконенных по отношению к женщине исламской религией. «Затворничество женщины — это бесчеловечное явление», — говорил Ахундов. И он боролся. Боролся за равноправие

женщины, за восстановление ее человеческого достоинства, за то, чтобы она наравне с мужчинами получила образование и участвовала в общественной жизни. В своих художественных произведениях М. Ф. Ахундов создал целую галерею образов умных, благородных, смело борющихся за свои человеческие права азербайджанок.

Великий гуманист высказал уверенность, что недалеко то время, когда дадут всходы семена, брошенные им в землю. Он мечтал: мусульманские народы, в частности азербайджанцы, освободятся от тенет фанатизма, проникнутся отвращением к деспотам, перестанут чуждаться русских и рука об руку с ними пойдут по пути экономического и культурного расцвета. Думая об этом, он неоднократно подчеркивал важное значение русского языка, который «не имеет себе равного в изложении глупых мыслей».

Выступая горячим сторонником усвоения на Востоке западноев-

ропейской культуры, М. Ф. Ахундов, однако, не преклонялся перед буржуазным Западом, относился к нему критически, умел видеть отрицательные стороны европейской цивилизации. Еще в комедии «Мусье Жордан» устами консервативного, но неглупого и по-своему проникательного Гатамханата автор высмеивал моральное разложение, взятничество и другие пороки буржуазного мира.

Прозорливость писателя-гуманиста выразилась в его резком осуждении колониальной политики «цивилизованной» Англии. Еще на заре западного империализма М. Ф. Ахундов разглядел, какие бедствия несет он для человечества. «Всему миру известно, — писал он, — как обращаются англичане к населению Индии. Разве Англия, являющаяся цивилизацией и утвердившая конституцию, обращается с индийским народом лучше, чем деспоты? Если сравнить их с деспотами, то последние даже куда лучше англичан».

НЕОБЫЧАЙНОЙ широтой охвата общественной жизни, искренней заинтересованностью судьбой трудового народа, чутким и мудрым отношением к важнейшим международным событиям своего времени отмечен гуманизм М. Ф. Ахундова.

Затрагиваемые им общественно-политические вопросы, выходя за рамки его времени, вступали в круг «вечных» проблем, веками занимавших умы всего прогрессивного мира. Идеи Ахундова о политической и духовной свободе, равноправии, сближении и дружбе народов, о раскрепощении женщины, о всенародном обучении, идеи, направленные против религиозного дурмана, колониализма, захватнических и грабительских войн, не потеряли своего значения по сей день.

Великий азербайджанский гуманист, все мысли и чувства которого устремлены в будущее, — поистине наш современник. Глашатай свободы, равенства и братства народов еще долго будет одним из немеркнущих наших маяков.

Мамед АРИФ.

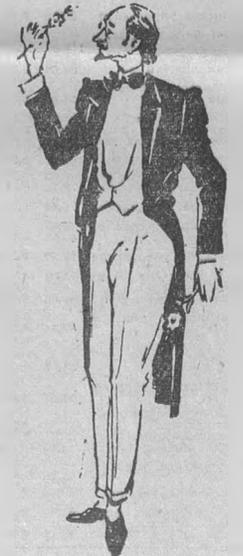
Гаджи Кара.

Гейдарбей.

Сона-ханум.

Мирза Фатахи. Рисунки художника Н. Кизимзаде.

ВОИНСТВУЮЩИЙ АТЕИСТ

Я познал, что препятствием для распространения цивилизации среди мусульманских народов служит мусульманская религия и фанатизм. Поэтому я поставил задачу разрушить основы этой религии, уничтожить фанатизм и разбудить народы Азии от тяжелого сна невежества.

Из оков идопоклонства несравненно легче освободиться, чем из оков исламизма, который держит в крепких ногах и своими нелепыми обещаниями и строгими обрядами не позволяет приблизиться к распространению просвещения среди мусульман. Я не всем вообще религиям, совершенно равнодушен и ни к одной из них не питаю сочувствия относительно надежды на спасение души после смерти. Я отдаю предпочтение только той религии, которая делает человека счастливым и свободным в здешнем мире.

Можно ли называть бога правосудным, когда его мера наказания в миллион раз превышает меру преступления? Создается ли это его действие с тем его качеством, что он источник милосердия, источник блага, источник щедрости и милости? Но такой неумолимый бог, такой мстительный бог с его адом, сужием, сужием ада, сужием изверга-золоторека... Если же действительно существует, то бог является каким-то ненавидимым, отвратительным существом, каким-то страшным тираном! Если же уверение в существовании ада есть чистая ложь, то зачем вы, шарлатаны и лицемеры, проповедники, страждете им бедный народ?

М. Ф. АХУНДОВ.

БУДУ ЕГО ЧИТАТЬ

В Год и живу сравнительно недавно. Год с небольшим, как я переехал сюда из далекого села Саратовской области. Много могла бы сказать о том, как понравился мне Бани, как гостеприимен этот прекрасный город и его жители, которые относятся к моему приходу с изумлением, по-братски. Мне мил пестуний азербайджанский язык, еще непонятный, но выразительный азербайджанский язык, и вижу много книг азербайджанских писателей, и хочется поскорее узнать их хотя бы в переводе.

Рада, что могу написать эти несколько слов о великом Ахундове, с творчеством которого мне удалось познакомиться. Я смотрел комедию «Мусье Жордан, ботаник, и дровщик Мустафишад, знаменитый колдун». От души смеялся, но все время думал, что содержание этой, на первый взгляд, веселой комедии — огромное. Благодаря ей я узнал, каковы мысли, чувства и чувства в Азербайджане в далеком прошлом. Какие ярые, непереносимые образы!

Я заинтересовался сочинениями Ахундова. Буду его читать! И в день юбилейного писателя мне хочется поздравить становящийся родным для меня Азербайджан с таким славным исполнителем.

Римма КОЧЕГАРОВА, работница чулочно-трикотажного комбината.

Иллюстрация художника Ойта Садыкхзаде к «Обманутым звездам».

В ОДНОЙ СЕМЬЕ

Мне выпала честь сделать у нас в институте доклад о драматургии Ахундова. Доклад был приурочен к юбилею, но, работая над ним, я думал о том, как прочно вошел Ахундов в нашу повседневную жизнь.

Ахундов был певцом дружбы между народами, он одним из первых сделал эту тему политической, поднял на высоту кра-

еугольного общественного принципа. И теперь, когда все мы, советские люди, — русские, азербайджанцы, армяне, — живем одной семьей, мы одинаково любим и благодарно вспоминаем великого сына азербайджанского народа — гуманиста, демократа, борца, художника.

Эдуард АИРАПЕТАН, студент АПИ им. В. И. Ленина.

ЯРКИЕ ОБРАЗЫ

Каждый раз, когда наш колхозный клуб ставит новую пьесу Мирза Фатали Ахундова, это — большое событие.

Следя за разворачивающимися событиями на сцене, не перестаешь удивляться, как глубоко и тонко знал писатель человеческую душу. Ведь в его героях мы узнаем черты, свойственные и некоторым нашим людям. И недаром после очередной пьесы кто-

то среди наших односельчан ходит в гейдарбеках, или к какому-то незадачливому комбинатору надолго пристает прозвище алхимика.

Необычайно полнокровны образы произведений Ахундова. Как хотелось бы нам почаще видеть столь ярких героев и в пьесах наших современных драматургов.

Сулбала АЛИЕВА, звеньевая Ковляк-Саринского совхоза.

ШЛО НАИЛУЧШИЕ ПОЖЕЛАНИЯ ВСЕНАРОДНОМУ ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО АХУНДОВА. ВЕРЮ, БУДЕТ ДОСТОЙНЫМ ЕГО ТОРЖЕСТВОМ.

Николай ТИХОНОВ.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ ВЕЩНОГО ПИИТЕЛЯ ВЕССЕРМЕРТНОГО СЫНА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА.

Вилас ЛАЦИС.

ПРИМТЕ МОЕ САМОЕ ИСКРЕННЕЕ ДРУЖЕСКОЕ ПРИВЕТСТВИЕ ДРУЗЬЯМ — АЗЕРБАЙДЖАНСКИМ ПИСАТЕЛЯМ В ДЕНЬ ЮБИЛЕЙНОГО ТОРЖЕСТВА ВЕЛИКОГО АХУНДОВА. ЛИТОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ БУДУТ ВСЕМ СЕРДЦЕМ С ВАМИ.

Эдуардс МЕНЕЛАЙТИС.

НИЗКО СКОЛОНЮ ГОЛОВУ ПЕРЕД ПАМЯТЬЮ ВЕЛИКОГО ПИИТЕЛЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО НАРОДА МИРЗА ФАТАЛИ АХУНДОВА.

Ольес ГОНЧАР.

— Э-эх! Было время, когда и я играл здесь.

Вернувшись, я передал друзьям слова старика. Один из них многозначительно заметил: — Это родственник Мирза Фатали.

«Родственник Мирза Фатали». Эти слова произвели на нас маги-

...Мы прошли через каменный мост над уже знакомым ровом, остановились перед свежестроенными воротами. Учитель постучался. Нас встретил тот самый Фатали — родственник Мирза Фатали.

Небольшой садик. Бассейн, окруженный молодыми деревьями.

Сабит РАХМАН

СМЕХ — РАЗЯДЯЩИЙ, УТВЕРЖДАЮЩИЙ

Только груша у ворот — старая, покрытая морщинами, наверное, не раз видела великого художника. Если бы она обладала даром речи, то, вероятно, рассказала бы нам о юном Фатали. С каким-то особым чувством, словно на живом, смотрели мы на бис писателя, установленный в верхнем дворе.

Старик повел нас в дом. Небольшое здание, построенное из не обожженного кирпича. Под — земляной, окна маленькие. Но нам этот дом показался замечательным, ведь здесь жил, ходил Ахундов, вот его очки, пенал...

Много дней после посещения дома Ахундова я не переставал ду-

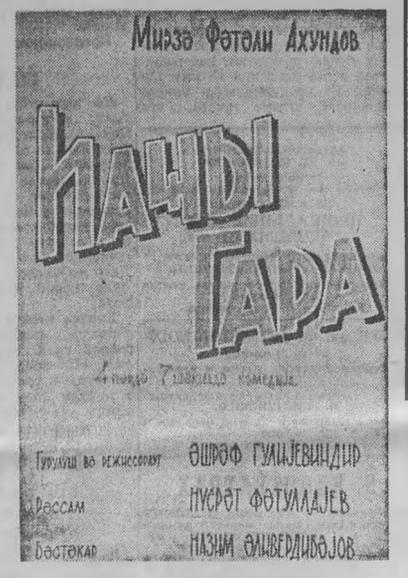
мать о нем. Тогда я еще не видел комедий Мирза Фатали на сцене, но уже не раз читал их. Моя фантазия блуждала в мире образов, созданных писателем, и чуть ли не каждого встречного я ставил с каким-либо из его типов. Когда я проходил мимо бакалейной лавки Кыяла-Мамеда и Гаджи Самед оглы, мне казалось, Мирза Фатали обязательно видел, если не их самих, то отцов, дедов этих купцов, и его Гаджи Кара таит в себе родственные им черты. Был у нас учитель-поэт. Он очень напоминал мне ахундовского Гаджи Нури, этого умного, бескорыстного человека, встающего один на один против глупости, невежества, алчности, понимающего истинную ценность человека, его труда.

Прошли годы, я уже учился в вузе. Летние каникулы проводил в Нухе. Однажды разговорился с дядей отца Рашид-беком Эфендиевым, известным азербайджанским педагогом и литератором. Он был одним из первых исполнителей роли Гаджи Кара. Он рассказывал мне, как это случилось. Мирза Фатали подарил ему свой сборник пьес, и с его благословения Рашид-бек решил поставить «Гаджи Кара» в Нухе.

(Окончание на 4-й стр.)

Слева — афиша спектакля «Гаджи Кара» 1923 года. Справа — афиша новой постановки «Гаджи Кара» в Азербайджанском драматическом театре имени М. Азизбекова.

Афиша спектакля «Обманутые звезды».

ЭТО случилось почти век назад. Впервые распахнулся занавес Азербайджанского театра, и со сцены шагнул в жизнь герои Ахундова. Это было закономерно — они пришли из жизни, чтобы вернуться в нее, стократ более реальными, чтобы заставить оглянуться на себя и вызвать не просто веселый смех, а гнев и возмущение. Да, герои Ахундова были борцами. И не только и не столько те, кто в его пьесах выступал против тупых и жестоких ханов, проидо-визирей, самодуров-помещиков, авантюристов от религии, а сами эти социальные уродинки. Их образы, беспощадно обрисованные талантливым пером блестящего сатирика, сами были в набат, звали на борьбу со злом, их породившим, давшим им силу и власть!

В годы моей юности, вернее детства, не найти было в Азербайджане грамотного, да и, пожалуй, неграмотного человека, который не слышал бы об Ахундове. Как сейчас помню. Это было весной, когда Нуха, сбросив с себя зимнее белоснежное платье, наряжалась в ярко-зеленое, сверкающее в лучах солнца. После уроков мы, школьники, играли в мяч у старой крепости. Вдруг мяч перелетел на другую сторону рва. Я побежал за ним. Старик, сидевший на камне, показав мне, куда упал мяч, глубоко вздохнул и как бы про себя проговорил:

«Вот ты, Гаджи Кара, таит в себе родственные им черты. Был у нас учитель-поэт. Он очень напоминал мне ахундовского Гаджи Нури, этого умного, бескорыстного человека, встающего один на один против глупости, невежества, алчности, понимающего истинную ценность человека, его труда. Прошли годы, я уже учился в вузе. Летние каникулы проводил в Нухе. Однажды разговорился с дядей отца Рашид-беком Эфендиевым, известным азербайджанским педагогом и литератором. Он был одним из первых исполнителей роли Гаджи Кара. Он рассказывал мне, как это случилось. Мирза Фатали подарил ему свой сборник пьес, и с его благословения Рашид-бек решил поставить «Гаджи Кара» в Нухе.»

«Вот ты, Гаджи Кара, таит в себе родственные им черты. Был у нас учитель-поэт. Он очень напоминал мне ахундовского Гаджи Нури, этого умного, бескорыстного человека, встающего один на один против глупости, невежества, алчности, понимающего истинную ценность человека, его труда. Прошли годы, я уже учился в вузе. Летние каникулы проводил в Нухе. Однажды разговорился с дядей отца Рашид-беком Эфендиевым, известным азербайджанским педагогом и литератором. Он был одним из первых исполнителей роли Гаджи Кара. Он рассказывал мне, как это случилось. Мирза Фатали подарил ему свой сборник пьес, и с его благословения Рашид-бек решил поставить «Гаджи Кара» в Нухе.»